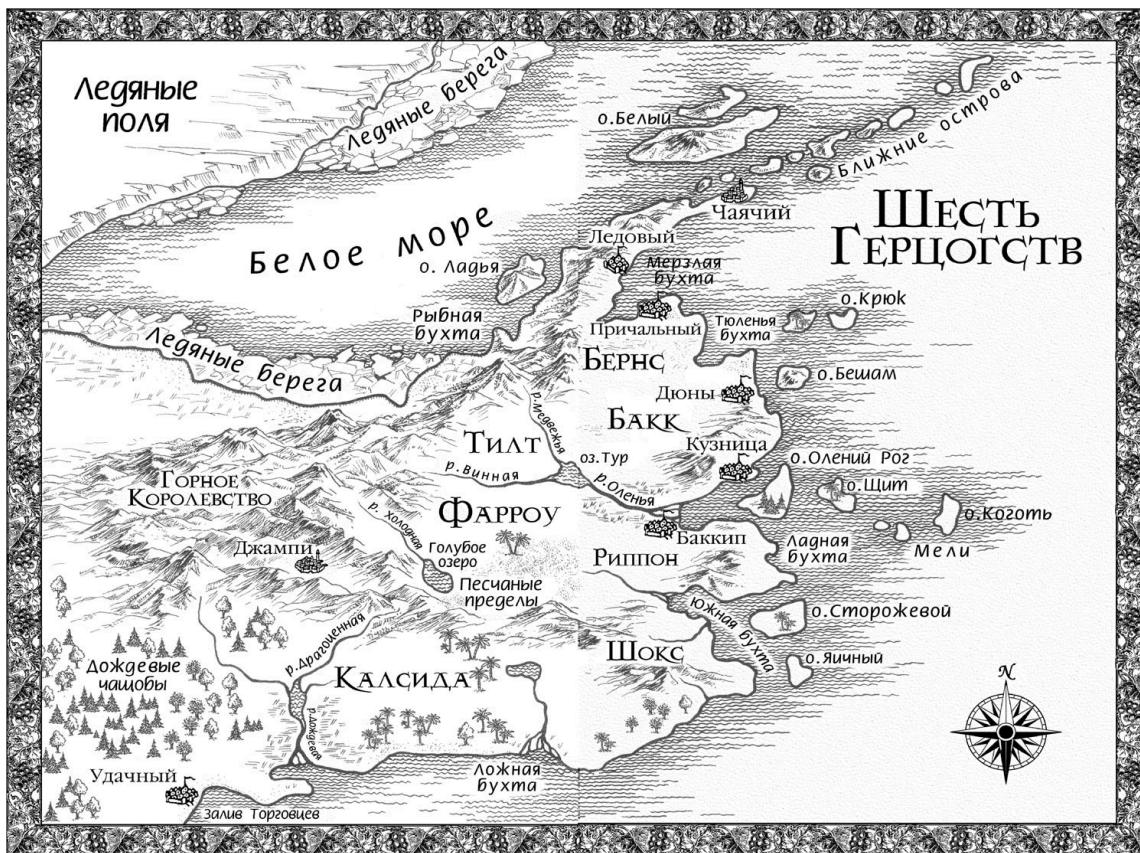

Рут и ее верным соратникам, Александру и другим крестоносцам

I. Чейд Падающая Звезда

Так что же крутится: колесо времени или оставленный им след?

Загадка Келстара

Он пришел поздней дождливой весной и принес большой мир к моему порогу. В тот год мне исполнилось тридцать пять. Когда мне было двадцать, я считал, что люди, перевалившие тридцатилетний рубеж, балансируют на грани старческого слабоумия. Теперь же мне чудилось, будто я болтаюсь где-то посередине между юностью и дряхлостью: на неопытность молодости уже не сошлешься, но и время чудачеств старости еще не пришло. Откровенно говоря, я не знал, что о себе думать. Иногда казалось, что моя прошлая жизнь медленно исчезает, словно следы во время дождя, и вскоре я окончательно превращусь в человека, тихо доживающего свои дни в хижине между лесом и морем.

В то утро я лежал в постели, прислушиваясь к тихим звукам, порой приносящим мне покой. У негромко потрескивающего огня ровно дышал волк. Я потянулся к зверю Даром, легко коснувшись его мыслей. Ему снилось, что он со стаей бежит по заснеженным склонам холмов. Для Ночного Волка то был сон о тишине, холоде и быстроте. Я осторожно отступил, чтобы не мешать ему.

За маленьким окошком вернувшиеся по весне птицы уже распевали свои песни. Поднялся легкий ветер, и всякий раз, когда он шевелил кроны деревьев, на влажную траву обрушивались капли ночного дождя. Деревья были – серебристые березы, и было их четыре. Я посадил их совсем маленькими. Теперь изящная листва берез отбрасывала ажурную тень на окно моей спальни. Я прикрыл глаза и ощутил мерцание света на веках. Не буду вставать, полежу еще немного.

Вчера у меня выдался не слишком удачный вечер, который пришлось провести в одиночестве. Мой мальчик, Нед, почти три недели назад уехал вместе со Старлинг и до сих пор не вернулся. Я не мог его винить. Моя тихая затворническая жизнь тяготила юношу.

Старлинг недаром была менестрелем – ее рассказы о жизни в Оленьем замке рисовали такие яркие картины, что Нед не мог устоять. Поэтому я хоть и с неохотой, но отпустил его в Баккип погулять на празднике Встречи Весны. Пусть поест пирожных с каррисом, посмотрит кукольное представление, быть может, поцелует девушку. Нед стал слишком взрослым, ему уже нужно нечто большее, чем обильная пища и теплая постель. Я не раз говорил себе, что пришло время отпустить его, чтобы он нашел место ученика у хорошего плотника или столяра. У Неда довольно рано проявился талант к подобным занятиям, и чем раньше он начнет учиться, тем лучше овладеет ремеслом. Но я еще не был готов расстаться с ним. Я решил, что с удовольствием проведу месяц в одиночестве, привыкая все делать самостоятельно. К тому же у меня есть Ночной Волк. Что мне еще нужно?

Но стоило им уйти, как в моем маленьком доме стало слишком тихо. Радостное волнение мальчика, предвкушавшего путешествие, живо напомнило мне, как некогда я сам с нетерпением ждал праздника Встречи Весны. Кукольные представления и пирожные, девушки, которых удавалось поцеловать... Ко мне вернулись давно забытые воспоминания. Быть может, именно они вызвали сны, которые я не мог выбросить из головы. Дважды я просыпался в поту и судорогах. Мне удалось избавиться от кошмаров, но в последние четыре года они вновь стали тревожить меня. В последнее время они появлялись и вновь исчезали совершенно непредсказуемо. Казалось, забытая магия Силы вспомнила обо мне, чтобы нарушить мой мир и покой. Дни, гладкие и одинаковые, точно бусины на нитке, вдруг решительно изменились. Порой голод по Силе становился невыносимым – так язва губит плоть. В иные ночи мне снились яркие сны, вызывающие смутную тоску. Если бы мальчик был дома, я сумел бы избавиться от зова древней магии. Но Нед ушел, и вчера вечером я не стал сопротивляться Силе. Я спустился к берегу, присел на скамейку, которую сделал для меня мальчик, и послал свою магию вслед за волнами. Волк, укоризненно глядя на меня, сидел рядом. Я пытался не замечать его.

– Нет ничего хуже, чем привычка дразнить еж-рыбу, – заметил я.

Вот только ее иглы можно вытащить. А то, что ранит тебя, проникает глубже и гноится.

Он не смотрел мне в глаза, пока мы обменивались мыслями.

Почему бы тебе не поймать зайца?

Ты отослал мальчика вместе с луком.

– Ты и сам справишься. Раньше у тебя это прекрасно получалось.

Раньше ты ходил со мной на охоту. Почему бы нам не поохотиться вместе? Все лучше этого бесполезного занятия. Пора бы понять, что там нет человека, способного тебя услышать.

Но я должен... попытаться.

Зачем? Неужели моей компании тебе недостаточно?

Вполне достаточно. Всегда. Я открылся Дару, позволяя волку увидеть, как Сила зовет меня. Все дело в магии, а не во мне.

Убери это. Я не хочу ее видеть. Когда я закрыл эту часть своего сознания, он жалобно спросил: *Твоя Сила никогда не оставит нас в покое?*

Я не нашел ответа. Волк улегся на землю, положив тяжелую голову на лапы, и закрыл глаза. Он оставался рядом, потому что боялся за меня. Прошлой зимой я дважды перенапрягся, сжег слишком много ментальной энергии, пытаясь дотянуться до кого-нибудь при помощи Силы, и не смог самостоятельно добраться до дома. Ночному Волку пришлось звать на помощь Неда. Сейчас мы остались вдвоем.

Я понимал, что мои попытки глупы и тщетны. Однако перестать не мог. Как голодающий ест траву, чтобы облегчить боль в пустом желудке, так и я тянулся к чужим жизням невидимыми щупальцами Силы. Иногда мне удавалось прочесть мысли и немного заполнить пустоту в своей душе. Я мог узнать что-нибудь о жизни семьи рыбаков. Или о тревогах капитана, взявшего на борт слишком большой груз. А помощника капитана мучили раздумья о человеке, за которого хотела выйти его дочь, – уж слишком ленив был жених. Юнга проклинал судьбу: корабль придет в Баккип слишком поздно и он не успеет на праздник Встречи Весны. Останутся лишь увядшие цветочные гирлянды – парню всегда не везло.

Читая простые мысли простых людей, мне удавалось ненадолго отвлечься от собственных горестей. Я вновь ощущал, что мир есть нечто большее, чем четыре стены моей хижины или сад под окном. Однако подобные жалкие попытки не имели ничего общего с истинной властью Силы. Ничто не может сравниться с ощущением, когда два разума сливаются и тебя охватывает понимание цельности мира, в котором твое собственное тело – лишь едва заметная пылинка.

Волк сдавил зубами мое запястье и заставил отвлечься.

Пойдем. Хватит. Если ты сейчас свалишься, то всю ночь проведешь на мокром песке. Я не мальчик, мне не дотащить тебя до хижины. Пойдем.

Я встал, чувствуя, как потемнело в глазах от резкого движения. Впрочем, дурнота скоро прошла, но мрачные мысли меня не оставили. Сквозь сгущающиеся сумерки я побрел следом за волком в хижину, где пылал огонь в камине, а на столе оплывали свечи. Я сделал себе черный горький чай из эльфийской коры, в надежде унять головную боль, но понимая, что настроение у меня от этого лучше не станет. Потом я сжег полученную нервную энергию, поработав над рукописью, – я описывал стратегию игры в камни. Я несколько раз пытался завершить трактат, но всякий раз терпел поражение. Есть только один способ научиться, говорил я себе, – играть. На сей раз я решил добавить к тексту иллюстрации, чтобы показать варианты игры. Когда я отложил рукопись, приближался рассвет. Я просмотрел свои записи и пришел к выводу, что совершил еще одну неудачную попытку. И отправился спать – скорее слишком рано, чем поздно.

Я проснулся, когда половина утра уже миновала. В дальнем углу двора возились и сплетничали цыплята. Прокукарекал петух. Я застонал. Пришло время вставать. Нужно проверить яйца и насыпать в кормушки зерна, чтобы успокоить домашнюю птицу. Огород начал просыпаться после зимней спячки, пора взяться за прополку и посадить феск, ведь старый съели личинки. Нужно собрать пурпурные ирисы, пока они в цвету. Моя последняя попытка сделать из них красные чернила закончилась неудачей, но я намеревался предпринять новую. А еще следует наколоть дров, приготовить кашу, разжечь камин. И если я сегодня не заберусь на ясень возле курятника, чтобы срубить сломанную ветку, ветер сбросит ее на цыплят.

И еще мы должны сходить к реке и посмотреть, не пошла ли рыба. Очень хочется поест свежей рыбки, пополнил Ночной Волк мой мысленный список работ.

В прошлом году ты чуть не умер, когда съел гнилую рыбу.

Значит, у нас есть все основания отправиться на рыбную ловлю, ты можешь воспользоваться копьем мальчика.

И промокнуть до костей.

Лучше промокнуть и замерзнуть, чем ходить голодным.

Я перевернулся на другой бок и вознамерился еще немного поспать. Могу я хоть раз поваляться в постели? Да и кому до этого дело? Цыплятам? Прошло, как мне показалось, всего несколько мгновений, как вдруг мысль волка растормошила меня.

Проснись, мой брат. Приближается чужая лошадь.

Я тотчас же очнулся ото сна и насторожился. Оказалось, после первого пробуждения я проспал несколько часов – судя по тому, как сместился солнечный луч, что падал в окно. Я встал, накинул куртку, застегнул пояс и надел сандалии – кожаные подошвы на узких ремешках. Затем откинул волосы и потер заспанные глаза.

– Пойди посмотри, кто это, – попросил я Ночного Волка.

Сам посмотри. Он уже у порога.

Я никого не ждал. Старлинг навещала меня три или четыре раза в год и проводила в моей хижине несколько дней. Она привозила с собой бумагу, хорошее вино и свежие новости, но им с Недом еще рано возвращаться. Другие посетители стучались в мою дверь редко. В соседней долине жил Бейлор, но у него не было лошади. Дважды в год приходил лудильщик. Он нашел мою хижину случайно, когда во время бури его лошадь захромала и он заметил свет в окнах. С тех пор ко мне иногда заглядывали случайные путники. Лудильщик вырезал из дерева свернувшуюся клубком кошку – символ гостеприимного дома – и повесил ее там, где тропа сворачивала к моей хижине. Я нашел знак, но оставил как есть – хорошо бывает иногда повидать других людей.

Скорее всего, ко мне забрел заблудившийся путешественник или притомившийся в пути торговец. Что ж, гость отвлечет меня от грустных мыслей, подумал я, но не слишком поверил самому себе.

Я услышал, как лошадь остановилась возле дома, всадник спешился.

Седой. Волк негромко зарычал.

Сердце едва не остановилось в моей груди. Я медленно приоткрыл дверь, когда старик собрался постучать. Он всмотрелся в мое лицо и улыбнулся:

– Фитц, мальчик мой. О Фитц!

И он протянул руки, чтобы обнять меня. На мгновение я замер на месте, не в силах пошевелиться. Даже не знаю, что я почувствовал. После стольких лет мой старый наставник нашел меня – это пугало. На то должна быть причина; ну не мог же он приехать, просто чтобы

повидаться со мной! Однако в то же время я ощутил родство и любопытство, которое Чейд всегда пробуждал во мне. Когда я был мальчишкой, он вызывал меня по ночам, и я поднимался из своей комнатухи по потайной лестнице в его покои высоко в башне. Там он смешивал яды и учил меня ремеслу убийцы, там я навеки стал принадлежать ему. И всякий раз, когда открывалась потайная дверь, мое сердце начинало биться быстрее. И хотя за долгие годы я не раз испытывал боль и разочарование, он все еще производил на меня прежнее впечатление. Тайны и обещание приключений сопровождали Чейда.

И я протянул руки, обхватил его сутулые плечи и крепко обнял своего наставника. Старик вновь стал тощим, как в те дни, когда я впервые увидел его. Но теперь я был затворником в старой куртке из серой шерсти. А Чейд красовался в голубых королевских рейтузах и камзоле с зелеными накладками в тон глазам. Наряд дополняли сапоги и перчатки из мягкой черной кожи. Зеленый плащ был подбит мехом. Воротник и рукава украшали белые кружева. Уродливые шрамы, заставлявшие Чейда скрываться от людей, побледнели и стали не так заметны. Серые волосы свисали до плеч. Он носил серьги с изумрудами, а его грудь украшала золотая цепь с еще одним крупным изумрудом.

Старый убийца насмешливо улыбнулся, заметив, что я разглядываю его роскошный наряд.

– О, королевский советник должен соответствовать своему званию, иначе ему не видать уважения.

– Понятно, – пробормотал я, но тут же опомнился и сказал уже более уверенно: – Ну, не стой на пороге, заходи. Боюсь, в моей хижине ты не найдешь той роскоши, к какой привык, но я рад видеть тебя.

– Я приехал вовсе не затем, чтобы искать недостатки в твоём доме, мальчик мой. Мне хотелось тебя повидать.

– Мальчик? – спросил я, с улыбкой пропуская гостя в хижину.

– Ну да. Для меня ты навсегда останешься мальчиком. Таково одно из преимуществ возраста: я могу называть людей, как мне вздумается, и никто не возражает. О, я вижу, твой приятель по-прежнему с тобой. Ночной Волк – кажется, так его зовут? Ты немного постарел, волк, раньше у тебя не было седины на морде. Ну, иди сюда, вот так, мой хороший. Фитц, ты не позаботишься о моей лошади? Я все утро не

слезал с седла, а прошлую ночь мне пришлось провести на ужасном постоялом дворе. Я немного устал. И принеси мои седельные сумки, пожалуйста. Ну вот, хороший мальчик.

Повернувшись ко мне спиной, он наклонился, чтобы почесать волка за ушами. Чейд не сомневался, что я выполню все его указания. Я ухмыльнулся и вышел из хижины. Черная кобыла оказалась чудесным, доброжелательным животным. Приятно ухаживать за таким благородным существом. Я напоил лошадь, насыпал ей зерна, которым кормил цыплят, и отвел в пустой загон, где обычно стоял пони. Седельные сумки были довольно тяжелыми, а в одной из них что-то многообещающе булькало.

Когда я вернулся, Чейд сидел за письменным столом и изучал мои бумаги с таким видом, словно они были его собственными.

– Ага, вот и ты. Спасибо, Фитц. Ты пишешь об игре в камни? Это Кеттл научила тебя играть, чтобы отвлечь от дороги Силы? Любопытно. Я бы хотел получить эту работу, когда ты ее закончишь.

– Как пожелаешь, – спокойно ответил я.

Однако меня одолела тревога. Мой старый наставник начал произносить имена, которые я давно уже не вспоминал. Кеттл. Дорога Силы. Я постарался вновь задвинуть их в прошлое.

– Я больше не Фитц, – мягко напомнил я. – Теперь меня зовут Том Баджерлок, Барсучий Хвост.

– В самом деле?

Я коснулся седой пряди:

– Вот почему. Простое имя. Я всем говорю, что родился с седой прядью, поэтому родители называли меня Барсучьим Хвостом.

– Понятно, – сдержанно ответил Чейд. – Звучит логично. – Он откинулся на спинку кресла, и она заскрипела. – Я привез бренди, если, конечно, у тебя найдутся чашки. И имбирные пирожные, которые так здорово печет Сара... Думал, я забыл, что ты их любишь? Боюсь, они слегка раскрошились, но на вкус это не повлияло.

Волк уже занял удобное место, его нос торчал у края стола, безошибочно указывая на седельные сумки.

– Значит, Сара все еще работает кухаркой в Оленьем замке? – спросил я, пытаясь отыскать две приличные чашки.

Самого меня не слишком раздражал битый фаянс, но не хотелось выглядеть нищим в глазах Чейда. Он вышел вслед за мной на кухню.

– Ну, не совсем. Она уже не может долго стоять у плиты – болят ноги. Однако ей сделали большое мягкое кресло и поставили на помосте в углу кухни. Оттуда Сара всем и заправляет. Сама она готовит только свои любимые блюда: фигурное печенье, пирожные и другие сласти. А всем прочим занимается молодой парень по имени Дафф, – говорил Чейд, распаковывая седельные сумки.

Он с довольным видом поставил на стол две бутылки бренди из Песчаных пределов. Я уже и забыл, когда в последний раз пил что-нибудь подобное. Потом появились имбирные пирожные, слегка помятые, как и предсказывал Чейд. Волк втянул носом воздух, из его пасти закапала слюна.

– Вижу, ему я тоже угодил, – сухо заметил мой гость, бросая Ночному Волку пирожное.

Зверь ловко поймал угощение и унес к камину, где принялся не спеша есть.

Тем временем из седельных сумок появлялись все новые и новые сокровища. Кипа превосходной бумаги, бутылочки с синими, красными и зелеными чернилами. Толстый имбирный корень, только что пустивший побеги, – к лету он вырастет. Пакетики с приправами. И большая роскошь для меня: круг свежего сыра. В маленьком деревянном ларце я обнаружил забытые, но прежде так хорошо знакомые предметы. Я предполагал, что они навсегда для меня потеряны. Кольцо принца Руриска из Горного Королевства. Наконечник стрелы, пронзившей грудь принца, – лишь чудом тогда брату Кетриккен удалось избежать смерти. Маленькая резная шкатулка для ядов, много лет назад сделанная моими руками. Я открыл ее, но она оказалась пустой. Захлопнув крышку, я поставил шкатулку на стол и посмотрел на Чейда. Нет, он приехал не просто так. Он принес все эти приметы прошлого намеренно – они тянулись за ним, словно изукрашенный шлейф богатой дамы, входящей в тронный зал. Впустив старика в дом, я открыл дверь своему прежнему миру.

– Зачем? – спокойно спросил я. – Зачем после стольких лет ты разыскал меня?

– Ну ладно, – ответил Чейд, со вздохом усаживаясь в мое кресло, откупорил бренди и налил нам обоим. – На то есть дюжина причин. Я видел твоего мальчика вместе со Старлинг. И сразу понял, кто он такой. Нет, он похож на тебя не больше, чем Неттл на Баррича. Но у

него твои манеры, тот же взгляд, и он так же склоняет голову набок, прежде чем принять решение. Он напомнил мне тебя, когда ты был в его возрасте...

– Ты видел Неттл, – перебил я Чейда.

– Конечно, – ответил он. – Хочешь, чтобы я рассказал о ней?

Я промолчал, чтобы не выдать волнения. Нельзя проявлять к ней интерес. И все же у меня появилось предчувствие, что моя дочь Неттл, которую я никогда не видел, стала причиной появления Чейда. Я посмотрел на свою чашку – стоит ли пить бренди за завтраком? Потом мои мысли вернулись к Неттл, которую мне пришлось оставить вопреки моей воле, – иногда обстоятельства вынуждают нас делать то, что делать совсем не хочется. Я выпил. И понял, что успел забыть вкус превосходной выпивки. Тепло разлилось по моему телу, точно юношеская страсть.

Чейд проявил милосердие и не стал дожидаться, пока я отвечу.

– Она похожа на тебя, только худенькая и женственная, – сказал он и улыбнулся, увидев, что я ощетинился. – Но странное дело, еще больше она похожа на Баррича. Она переняла его манеры даже в большей степени, чем пятеро его сыновей.

– Пятеро! – потрясенно воскликнул я.

Чейд ухмыльнулся:

– Пятеро парней, и все относятся к отцу с завидным почтением. Тут они разительно отличаются от Неттл. А она в совершенстве овладела мрачным взглядом Баррича и потчует им старика всякий раз, когда тот имеет неосторожность нахмуриться. Впрочем, такое бывает редко. Не стану утверждать, что она его любимица, но мне кажется, своим упрямством она заслужила у Баррича больше уважения, чем мальчишки искренним почтением. Она так же нетерпелива, как он, и обладает таким же обостренным чувством собственной правоты. И еще ей присуще твое упрямство. Впрочем, она могла научиться ему и у Баррича.

– Ты видел его?

Когда-то этот человек вырастил меня, а теперь – еще и мою дочь. Он взял в жены женщину, которую, как все думали, я бросил. Они считают, что я умер. Их жизнь продолжается без моего участия. В моем сердце боль смешалась с любовью, когда Чейд рассказывал мне о

них. Чтобы избавиться от неприятного вкуса во рту, я выпил еще немного бренди.

– Как я мог увидеть Неттл, не посетив Баррича? Он заботится о ней, как... отец. С Барричем все хорошо. Конечно, он продолжает хромать. Но он нечасто ходит пешком, так что нога не слишком его беспокоит. Вокруг него постоянно полно лошадей – как и раньше. – Чейд откашлялся. – Знаешь, мы с королевой позаботились о том, чтобы жеребят Крепыша и Уголька отдали Барричу. Благодаря им он основал племенную ферму. Кобылу, которую ты расседлал – ее зовут Зола, – я получил от Баррича. И он не только разводит, но и объезжает лошадей. Конечно, ему никогда не стать богачом – как только у него появляются деньги, старик сразу же покупает новую лошадь или землю под пастбища. Но когда я спросил его о делах, он ответил: «Все хорошо».

– А как Баррич отнесся к твоему визиту? – спросил я.

Теперь мой голос звучал почти буднично – повод гордиться собой. Чейд вновь ухмыльнулся, но в его глазах появилось грустное выражение.

– После того как пришел в себя от удивления, он принял меня весьма и весьма почтительно. А на следующее утро, когда один из его близнецов – кажется, Ним – оседлал для меня лошадь, Баррич вышел проводить меня и очень вежливо пообещал прикончить старину Чейда, если заметит, что я проявляю интерес к Неттл. Он произнес это с искренним сожалением, но у меня не осталось ни тени сомнения, что он выполнит свое обещание. Так что можешь не говорить мне, что к его словам следует отнестись со всей серьезностью.

– Неттл знает, что Баррич ей не родной отец? Что ей известно обо мне?

У меня возникали все новые и новые вопросы. Я постарался выкинуть их из головы. Я ненавидел себя за гнусное чувство собственника, которое заставляло меня спрашивать, но ничего не мог с собой поделать. Это все равно что бороться с соблазном Силы – я должен, *должен* узнать обо всем, что произошло за прошедшие годы.

Чейд отвел глаза и сделал большой глоток бренди.

– Не знаю. Она зовет его папой. И очень любит, принимая без малейших оговорок. О да, она может не согласиться с ним, но только если речь идет не о самом Барриче. Боюсь, с матерью у нее не такие

простые отношения. Неттл не проявляет интереса к пчелам или свечам, но Молли мечтает о том, чтобы дочь продолжала ее дело. Однако девица столь упряма, что, боюсь, Молли придется передать ремесло одному или двум сыновьям и смириться. – Он выглянул в окно и добавил: – В присутствии Неттл она не произносит твое имя.

Я повертел в руках чашку.

– А что же Неттл интересуется?

– Лошади. Соколы. Мечи. Ей пятнадцать, и я ожидал услышать от нее о молодых парнях, но они ее совсем не занимают. Возможно, женщина в ней еще не пробудилась, или у нее слишком много братьев, чтобы иметь романтические заблуждения относительно мужчин. Она мечтает сбежать в Олений замок и вступить в королевскую стражу. Неттл знает, что раньше Баррич был главным королевским конюшим. Я рассчитывал, что он согласится на предложение Кетриikken вновь занять эту должность. Однако старик отказался. Неттл так и не поняла почему.

– Но я-то знаю.

– Я тоже. Когда я гостил у них, речь зашла о том, что я могу забрать с собой Неттл, даже если сам Баррич не захочет возвращаться в Олений замок. Она могла бы стать моим пажом, да и королева Кетриikken охотно взяла бы Неттл фрейлиной. Пусть девочка поживет в городе, узнает королевский двор, сказал я Барричу, но он тут же отклонил мое предложение. Казалось, оно его оскорбило.

Сам того не желая, я облегченно вздохнул. Чейд поднес к губам бренди, продолжая за мной наблюдать. Он ждал. Он знал, каким будет мой следующий вопрос. Зачем? Зачем он навестил Баррича, почему предложил забрать Неттл в Олений замок? Я вновь глотнул бренди и посмотрел на старика. Да, он постарел, но совсем не так, как другие люди. Волосы стали совершенно белыми, но зеленые глаза блестели из-под белоснежных локонов совсем как раньше. Интересно, сколько усилий ему пришлось приложить, чтобы не позволить плечам поникнуть, какие снадобья он принимает, чтобы сохранять живость и энергию, и чего ему это стоит? Он старше короля Шрюда Проницательного, а Шрюд умер много лет назад. Королевский бастард, как и я, Чейд расцветал от интриг и раздоров – качество, которого у меня никогда не было. Я покинул двор и все с ним связанное. А мой

старый наставник решил остаться, став незаменимым для нового поколения Видящих.

– Понятно. А как поживает Пейшенс?

Этот вопрос я подобрал с особым тщанием. Меня не слишком интересовали новости о жене моего отца, но ответ гостя пригодился бы мне, чтобы подобраться к более животрепещущей теме.

– Леди Пейшенс Терпеливая? Ну, прошло уже несколько месяцев с тех пор, как я ее видел в последний раз. Пожалуй, целый год. Ты же знаешь, она живет в Тредфорде и, кстати, весьма успешно правит своими владениями. Довольно неожиданно, если подумать. Когда она была королевой и женой твоего отца, ей не удалось себя проявить. Потом она стала вдовой, и все привыкли к эксцентричной леди Пейшенс. Но стоило всем сбегать из Оленьего замка, она превратилась в королеву – если не по титулу, то по сути. Кетриккен поступила мудро, выделив Пейшенс владения, поскольку в замке вдову воспринимали как королеву.

– А принц Дьютифул?

– Ужасно похож на своего отца, насколько это вообще возможно, – ответил Чейд, покачав головой.

Я внимательно наблюдал за ним, пытаюсь понять, что стоит за его словами. Что ему известно?

– Королева вынуждена отпускать его из замка, – продолжал он хмуро. – Люди говорят о принце так же, как о твоём отце, Чивэле: «Правильный донельзя». Боюсь, они недалеки от истины. – Голос его едва заметно дрогнул.

– Недалеки? – спросил я.

Улыбка Чейда вышла слегка смущенной.

– В последнее время мальчик ведет себя странно. Он всегда предпочитал одиночество – и неудивительно, так часто бывает с единственным наследником. Ему ведь следует постоянно помнить о своём титуле, и он не должен никому выказывать особого расположения. В результате у принца развилась склонность к самосозерцанию. Но в последнее время он стал подвержен приступам черной меланхолии. Дьютифул настолько погружен в собственные мысли, что не обращает внимания на окружающий его мир. Он по-прежнему подобающим образом держится в обществе, однако...

– Ему исполнилось четырнадцать? – спросил я. – Нед в последнее время ведет себя так же. Я размышлял о его поведении и пришел к выводу, что мне следует дать мальчику больше свободы. Для него пришло время повидать мир.

Чейд кивнул:

– Пожалуй, ты прав. Мы с королевой Кетриккен пришли к сходному решению относительно принца Дьютифула.

Судя по его тону, я только что сам засунул голову в петлю.

– Да? – осторожно проговорил я.

– Да? – передразнил меня Чейд, налил себе еще бренди и усмехнулся, показывая, что игра окончена. – О да. Ты и сам, несомненно, догадался. Мы хотим, чтобы ты вернулся в Олений замок и начал обучать принца Дьютифула владению Силой. А заодно и Неттл, если удастся убедить Баррича отпустить девушку к нам. Конечно, при условии, что у нее есть способности.

– Нет, я не стану этого делать, – сразу же ответил я, чтобы не дать себя уговорить.

Уж не знаю, насколько уверенно прозвучал мой отказ. Не успел Чейд сформулировать свое предложение, как я загорелся желанием отправиться в Олений замок. Вот самый простой способ покончить со всеми моими тревогами и сомнениями! Обучить новый круг магов, способных пользоваться Силой. Я знал, что у Чейда есть манускрипты с описанием древней магии. Много лет назад Гален, мастер Силы, а позднее принц Регал скрыли от нас их существование. Но теперь я смогу изучать записи и тренировать других, но не так, как Гален, а должным образом. Принц Дьютифул получит отряд защитников, обученных Силе, а я избавлюсь от одиночества. Я снова смогу входить в контакт с людьми, владеющими, подобно мне, этой магией.

И оба моих отпрыска узнают меня – если не как отца, то хотя бы как человека.

Чейд, как всегда, отличался удивительным коварством. Он почувствовал мою неуверенность, и отказ повис в воздухе. Старик держал чашку двумя руками, потом бросил быстрый взгляд на бренди, чем живо напомнил мне Верити. Когда он снова посмотрел на меня, в его зеленых глазах я не нашел сомнений. Он не стал задавать вопросы или требовать. Ему оставалось только ждать.

Я все прекрасно понимал, но от этого мне было не легче.

– Ты знаешь, что я не могу. И тебе известно почему.

Чейд слегка покачал головой:

– Вовсе нет. На каком основании принц Дьютифул должен быть лишен своего наследия Видящего? – Он чуть помолчал и добавил: – Или Неттл?

– Наследия? – Я горько рассмеялся. – Скорее это семейная болезнь, Чейд. Она подобна голоду – а когда тебя научат его утолять, недуг становится неизлечимым. И тогда тобой начинает управлять чуждая сила, которая может заставить тебя отправиться в неведомые земли, что лежат дальше Горного Королевства. Ты видел, что произошло с Верити. Сила уничтожила его. Подчинила его себе, превратив в дракона. Да, Верити спас Шесть Герцогств. Но даже если бы нам не нужно было сражаться с красными кораблями, Верити Истина ушел бы в горы. Сила звала его. Таков неумолимый рок всех, владеющих древней магией.

– Я прекрасно тебя понимаю, – признался Чейд. – Но мне кажется, ты ошибаешься. Я пришел к выводу, что Гален сознательно вселил в тебя страх перед Силой. Он ограничил твоё знание и заставил бояться. Однако я читал манускрипты. Мне не удалось их полностью расшифровать, но мне известно, что Сила есть нечто большее, чем способность общаться на расстоянии. С ее помощью человек может продлить свою жизнь, укрепить здоровье, добавить себе обаяния. Твое обучение... не знаю точно, как далеко оно зашло, но не сомневаюсь, что Гален постарался очень многое от тебя скрыть. – Он говорил, с каждым словом все более и более распаляясь, словно речь шла о бесценном кладе. – Сила скрывает в себе огромные возможности. В манускриптах содержатся намеки на то, что ее можно использовать не только для определения болезни, но и для исцеления. Человек, овладевший Силой, способен видеть мир глазами другого существа, слышать то, чего не слышат другие...

– Чейд, – негромко сказал я, и мой старый наставник умолк.

Когда он признался, что читал манускрипты, меня на мгновение охватила ярость. Он не имел права, подумал я, но тут же спохватился: если ему дала их королева, то у Чейда не меньше прав, чем у меня. Да и кому еще читать о Силе? Мастеров не осталось. Все, кто обладал этим талантом, умерли. Нет, их убил я, одного за другим, – последних людей в Оленьем замке, способных применять Силу. Они предали

своего короля, поэтому я их уничтожил. А заодно истребил и саму магию. И теперь рассудок говорил мне, что возродить к жизни древнее умение не стоит.

– Я никогда не был мастером Силы, Чейд. И дело не только в том, что мои познания ограничены, – обучение так и не было закончено. Мои способности не отличаются устойчивостью. Возможно, Кетриккен рассказала тебе, или ты сам читал в манускриптах, что эльфийская кора отрицательно влияет на Силу. Она подавляет или вовсе убивает дар. Я пытался не использовать кору; мне не нравится, как она на меня действует. Но даже расплывающийся мир лучше, чем тяга к Силе. Иногда я принимал эльфийскую кору каждый день – таким сильным становился голод. – Я отвернулся, увидев тревогу на его лице. – Если у меня и был дар, сейчас от него мало что осталось.

– Твое стремление к Силе указывает, что способности не утрачены, Фитц, – задумчиво проговорил Чейд. – Сожалею, что тебе пришлось так страдать, – мы ни о чем не догадывались. Я считал, что стремление к Силе напоминает тягу к спиртному или табаку и по прошествии времени слабеет, а то и вовсе исчезает.

– Нет. Ты ошибаешься. Иногда оно дремлет. Проходят месяцы или даже годы. А затем, без всякой причины, желание воспользоваться Силой просыпается.

На мгновение я зажмурил глаза. Говорить о Силе, думать о ней – значит провоцировать такой приступ.

– Чейд, я знаю, что ты приехал ко мне именно по этой причине. И ты слышал мой отказ. Можем мы теперь побеседовать о чем-нибудь другом? Наш разговор причиняет мне боль.

Некоторое время Чейд молчал. Потом с фальшивым оживлением заявил:

– Конечно можем. Я говорил Кетриккен, что ты не согласишься. – Он вздохнул. – Просто я хотел воспользоваться тем, что мне удалось узнать из манускриптов. Что ж, я сказал все, что хотел. Ну, что тебя интересует?

Неожиданно меня охватил гнев.

– Неужели ты, прочитав несколько манускриптов, собираешься учить принца Силе?

– Ты не оставляешь мне выбора, – буркнул Чейд.

– Ты осознаешь опасность, которой подвергнется Дьютифул? Сила затягивает, Чейд. Она воздействует не только на разум, но и на сердце. Человека охватывает желание раствориться в Силе, стать с ней единым целым. Если во время твоих уроков принц уступит этому желанию, он утонет в Силе. И рядом не будет человека, способного его вернуть.

Я взглянул на Чейда и увидел, что он не понимает, о чем я говорю. Он лишь упрямо заявил:

– В манускриптах написано, что не учить человека с талантом к Силе – опасно. В некоторых случаях молодые люди начинают пользоваться этой магией по наитию, не понимая, какая в ней таится угроза. Даже наставник с минимальными познаниями лучше для юного принца, чем полнейшее неведение.

Повисло долгое молчание.

– Я не стану в этом участвовать, Чейд, – наконец сказал я. – Я отказываюсь. Много лет назад, сидя рядом с умирающим Уиллом, я дал себе обещание. Я не убивал его. Больше я не буду убийцей, инструментом в чужих руках. Я не позволю себя использовать. Мне пришлось принести слишком много жертв. Полагаю, я заслужил покой. И если вы с Кетриккен думаете иначе и отказываетесь давать мне деньги, я проживу и без них.

Лучше назвать вещи своими именами. Когда я в первый раз нашел кошелек с деньгами после визита Старлинг, я счел себя оскорбленным. И лелеял обиду до ее следующего посещения. Она лишь рассмеялась и заверила меня, что эти деньги не от нее – мне назначена пенсия за услуги, оказанные Шести Герцогствам. И тогда я понял, что Чейд знает обо мне все, что известно Старлинг. Именно он посылал мне превосходную бумагу и отличные чернила, которые она иногда привозила. Вероятно, возвращаясь в Олений замок, Старлинг отправлялась к Чейду на доклад. Я сказал себе, что мне наплевать. Возможно, мой старый наставник присматривал за мной, в надежде, что я еще пригожусь. Наверное, он прочитал эти мысли на моем лице.

– Фитц, успокойся. – Старик протянул руку и потрепал меня по плечу. – Об этом не может быть и речи. Мы оба прекрасно понимаем, что ты сделал для нас и для Шести Герцогств. Пока ты жив, мы будем обеспечивать тебя всем необходимым. И выброси из головы обучение принца Дьютифула. Это не твоя забота.

И вновь я спросил у себя, что ему известно.

– Да, ты прав, меня это не касается. Я лишь предупреждаю тебя о необходимости соблюдать осторожность.

– О Фитц, ты же знаешь, что я всегда осторожен.

Глотнув бренди, я посмотрел поверх фаянсового края чашки и заметил в глазах гостя улыбку. Я отставил чашку в сторону, но не думать о предложении Чейда было все равно что пытаться выдернуть дерево за корни. Конечно, я боялся, что неумелое руководство подставит принца под удар. Однако желание создать новый круг владеющих Силой и удовлетворить собственную жажду оказалось сильнее страха за судьбу Дьютифула. Именно по этой причине я не имел права заставлять страдать еще одно поколение.

Чейд не нарушил свое слово. Он больше не упоминал о Силе. Мы много часов проговорили о судьбах людей, живущих в Оленьем замке. Блейд стал дедушкой, а у Лейси болят суставы, и ей пришлось отказаться от плетения кружев. Хендс теперь главный конюх замка. Он взял себе жену из Внутренних герцогств, рыжеволосую и с соответствующим темпераментом. Все их дети унаследовали цвет волос у матери. Она держит Хендса на коротком поводке, и, если верить Чейду, такое положение вещей вполне устраивает ее мужа. В последнее время жена уговаривает Хендса вернуться в Фарроу, на ее родину, и он не особенно возражает. Вот почему Чейд и навестил Баррича, чтобы предложить ему прежнюю должность.

Вскоре знакомые лица всплыли у меня в памяти, мне ужасно захотелось вернуться в Олений замок, и я не мог удержаться от новых вопросов. Когда мы все обсудили, я провел Чейда по дому и саду, словно мы превратились в двух кумушек, встретившихся после долгой разлуки. Я показал ему цыплят и березы, которые сам посадил, и тропинки для прогулок. Завел в мастерскую, где делал краски и чернила, которые Нед потом продавал на рынке. Чейд был немного удивлен.

– Я привез тебе чернила, но мне кажется, что твои даже лучше.

Он похлопал меня по плечу, как в былые времена, когда я удачно смешивал яды, и на меня приятной волной накатило знакомое ощущение гордости.

Я показал ему даже больше, чем следовало. Когда Чейд посмотрел на мой огород, он обратил внимание, что успокаивающие и болеутоляющие травы преобладают над прочими. А когда мы подошли

к скамейке на вершине утеса, откуда открывался вид на море, он заметил:

– Да, Верити здесь бы понравилось.

Однако он больше не упоминал о Силе.

В тот вечер мы поздно легли спать, и я научил Чейда основам игры в камни. Ночному Волку наскучили наши разговоры, и он отправился на охоту. Зверь слегка ревновал, но я решил, что разберусь с ним позднее. Когда мы закончили играть в камни, я принялся расспрашивать Чейда о его житье. Он с улыбкой рассказал, что с удовольствием окунулся в жизнь двора. И еще он поведал мне о своей юности, хотя раньше всегда уклонялся от вопросов на эту тему. Он был беспечным кутилой до того дня, пока не ошибся, когда готовил одно из снадобий, и эта ошибка изуродовала его лицо. С тех пор он стыдился своей внешности и держался в тени, став королевским убийцей. В последние годы он вернулся к образу жизни, который вел в молодости. Теперь ему нравилось танцевать и общаться с красивыми и умными дамами. Я порадовался за него и, скорее в шутку, спросил:

– А как твоя тайная работа для короны сочетается с новым образом жизни?

Он ответил совершенно откровенно:

– Я справляюсь. Да и мой нынешний помощник оказался расторопным и толковым. Пройдет немного времени – и я смогу полностью передать свои обязанности в молодые руки.

Я вдруг почувствовал укол ревности – другой человек занял мое место. Через мгновение я понял, как это глупо. Видящим необходим человек, который будет без лишнего шума приводить в исполнение королевские приговоры. Я же сам заявил, что больше не буду королевским убийцей. Наивно полагать, что с моим отказом нужда в таком человеке исчезнет. Я попытался вернуть себе прежнюю уверенность.

– Значит, в башне продолжают эксперименты и уроки?

Чейд мрачно кивнул:

– Совершенно верно. На самом деле...

Он неожиданно поднялся со стоящего у камина кресла. И я вдруг понял, что к нам вернулись прежние привычки: Чейд сидел у огня, а я примостился у его ног. Меня поразило, каким естественным мне показалось такое положение. Пока Чейд копался в седельных сумках, я

встряхнул головой. Наконец он вытащил покрытую пятнами фляжку из твердой кожи.

– Я хотел тебе это показать, но за разговорами чуть не забыл. Ты помнишь, меня всегда интересовал огонь неестественного происхождения и дым?

Я закатил глаза. Его «интерес» не раз приводил к тому, что нам обоим приходилось подолгу лечиться от ожогов. Потом я вспомнил, как он в последний раз применил свою огненную магию: Чейд заставил факелы в Оленьем замке гореть и плевать синим огнем в ту ночь, когда принц Регал объявил себя наследником короны Видящих. Тогда же убили короля Шрюда, а меня арестовали.

Возможно, Чейд тоже об этом вспомнил, но виду не подал и с улыбкой вернулся в кресло у огня.

– У тебя найдется клочок бумаги?

Я нашел ненужный листок и стал с некоторой долей скептицизма смотреть, как Чейд отрывает узкую полоску, складывает ее по всей длине и осторожно высыпает в получившийся желоб порошок из фляжки. Затем он аккуратно соединил края и ловким движением скрутил бумагу в жгут.

– А теперь посмотри, что у меня получилось!

Я с тревогой наблюдал за его манипуляциями. Чейд поднес бумажный жгут к огню. Однако ничего особенного не произошло. Бумага пожелтела, вспыхнула и быстро сгорела. В воздухе слабо запахло серой. И все. Я вопросительно приподнял бровь.

– Ничего не получилось! – огорченно воскликнул Чейд.

Однако он тут же оторвал еще одну полоску бумаги и высыпал из фляжки новую порцию порошка – побольше первой. Затем сунул бумажную полоску в огонь. На всякий случай, приготовившись к неприятностям, я отодвинулся подальше от камина, но Чейда вторично постигла неудача. Я потер губы, чтобы скрыть улыбку. Королевский убийца не скрывал досады.

– Ты думаешь, я утратил прежние навыки! – заявил он.

– Вовсе нет, – возразил я, но не выдержал и рассмеялся.

В третий раз Чейд сделал из бумаги толстую трубку и не пожалел порошка. Я встал и отошел от камина на несколько шагов. Но, как и прежде, бумага просто сгорела.

Он разочарованно фыркнул, заглянул в горлышко фляжки и встряхнул. Затем, нахмутив лоб, закупорил ее.

– Туда каким-то образом попала влага. Ладно, фокус не удался. – И, уязвленный до глубины души, он бросил фляжку в огонь.

Присев рядом с ним у камина, я ощутил всю глубину его огорчения. Мне стало жалко старика, и я попытался смягчить удар:

– Это напомнило мне один случай, когда я перепутал дымный порошок с растертым корнем лансета. Ты помнишь? Глаза у меня слезились несколько часов.

Чейд коротко рассмеялся:

– Помню! – Он немного помолчал, улыбаясь воспоминаниям. Потом наклонился вперед и положил руку на мое плечо. – Фитц, – сказал он, заглянув мне в глаза, – я ведь никогда тебя не обманывал, верно? Я был честен с тобой. И с самого начала рассказал о том, чему буду учить.

И я понял, что в наших отношениях осталась трещина. Я положил руку на его пальцы. На узкую кисть, обтянутую тонкой кожей. Не отводя глаз от пламени камина, я заговорил:

– Ты всегда был честен со мной, Чейд. Я сам себя обманывал. Мы оба служили королю и делали все, что могли. Я не вернусь в Олений замок, но вовсе не из-за того, что сделал ты. Все дело в том, кем я стал. Мне не в чем упрекнуть тебя.

Я повернулся и посмотрел на наставника. Его лицо помрачнело, а в глазах я прочитал то, что он так и не сказал. Он скучал по мне и просил вернуться еще и поэтому. И мне стало немного легче. Кто-то по-прежнему любит меня – во всяком случае, Чейд. Меня это тронуло, и на глаза навернулись слезы.

– Ты никогда не обещал мне спокойной и безопасной жизни.

И словно в подтверждение моих слов, в очаге полыхнула ослепительная вспышка. Если бы я не смотрел на Чейда, я бы потерял зрение. Взрыв оглушил меня. Во все стороны полетели искры и угольки, пламя взметнулось вверх, как разъяренный зверь. Мы отскочили от камина. Через мгновение сажа из давно не чищенной трубы рухнула вниз и почти погасила огонь в камине. Мы с Чейдом заметались по комнате, спешно затапывая угольки и тлеющие осколки фляжки, чтобы не загорелся пол. С громким стуком распахнулась

дверь, и в дом влетел Ночной Волк. Ему пришлось выпустить когти, чтобы остановиться.

– Я цел и невредим, – заверил его я, с некоторым опозданием заметив, что кричу.

Ночной Волк презрительно фыркнул, недовольный запахом гари, окутавшим комнату, молча повернулся и скрылся в ночи. Чейд с довольным видом хлопнул меня по спине. Нам пришлось потратить некоторое время, чтобы навести в доме порядок. Затем мы расположились подальше от камина.

– Так для чего нужен твой замечательный порошок? – невинно спросил я, налив нам по чашечке бренди, привезенного из Песчаных пределов.

– Клянусь яйцами Эля, я не собирался устраивать безобразие в твоём камине. Прежде мне удавалось получить ослепительную белую вспышку. Я никак не ожидал *такого* результата. Интересно, почему так вышло? Что не так? Проклятие. Как жаль, что я не помню, что было во фляжке... – Он хмуро уставился в огонь.

Я не сомневался, что новому ученику придется поломать голову над этой загадкой. Не завидую я ему – поскольку представляю, какие эксперименты ему предстоит поставить под руководством такого наставника.

Чейд переночевал в моей хижине. Я уступил ему свою постель, а сам перебрался на койку Неда. Но когда утро разбудило нас, мы оба понимали, что визит подошел к концу. У нас как-то сразу кончились темы для разговора. Мне стало грустно. Какой смысл расспрашивать о людях, которых я никогда не увижу? Зачем Чейду рассказывать мне о политических интригах, если они не имеют ко мне отношения? На один долгий день и вечер наши жизни соединились, но сейчас, когда занимался серый рассвет, Чейд молча наблюдал за моей обычной утренней работой. Я принес воду, накормил цыплят, вымыл оставшуюся после вчерашнего дня посуду и приготовил завтрак. С каждым мгновением мы все стремительнее отдалялись друг от друга. Я вдруг подумал, что было бы лучше, если бы он не нарушал моего одиночества.

После завтрака Чейд сказал, что ему пора, и я не стал его удерживать. Я обещал, что передам ему рукопись об игре в камни, когда она будет закончена. Потом я подарил ему несколько свитков с

описанием успокаивающей настойки моего собственного изобретения, а также семена лекарственных растений, которых он не знал. И еще я вручил Чейду несколько флаконов с разноцветными чернилами. Он заметил, что в Баккипе я бы мог неплохо заработать на таком качественном товаре. Я лишь кивнул и обещал иногда присылать Неда. Потом я оседлал и взнуздal прекрасную кобылу Чейда. Он обнял меня на прощание, вскочил в седло и уехал. Я долго смотрел ему вслед. Рядом тут же оказался Ночной Волк и потерся головой о мою ногу.

Ты сожалеешь о прошлом?

Я сожалею о многом. Но я знаю, что если бы вернулся и выполнил его просьбу, то сожалел бы еще больше.

И все же я стоял и смотрел вслед Чейду. Еще не поздно, искушал я себя. Стоит крикнуть – и он вернется. Я стиснул зубы.

Ночной Волк ткнулся носом в мою ладонь.

Давай пойдём на охоту. Без мальчика и лука. Только мы с тобой.

– Звучит неплохо, – услышал я собственный голос.

И мы отправились на охоту, нам даже удалось поймать зайца. Я размял мышцы и с удовлетворением убедился, что по-прежнему способен добывать себе пропитание. Да, я еще не старик, и мне, как и Неде, полезно иногда выходить из дома, чтобы заняться чем-нибудь необычным. Узнать что-то новое. Пейшенс всегда именно так боролась со скукой. Когда вечером я оглядел свою хижину, дом больше не казался мне уютным. Все вокруг стало голым и тусклым. Я прекрасно понимал, что дело в рассказах Чейда об Оленьем замке, которые неизбежно заставили меня задуматься о своей нынешней жизни.

Я попытался вспомнить, когда в последний раз ночевал не в своей постели. Да, я вел упорядоченную жизнь. Каждый год во время сбора урожая на месяц уходил из дома, нанимаясь на покос, уборку пшеницы или сбор яблок. Лишние деньги никогда не помешают. Дважды в год я отправлялся в ближайший городишко, чтобы продать чернила и краски, а также купить ткань для одежды и новую домашнюю утварь. В последние два года я посылал туда Неда на его толстом пони. Моя жизнь вошла в привычную колею, а я даже этого не заметил.

Ну и чего же ты хочешь?

Ночной Волк потянулся и лениво зевнул.

Не знаю, признался я. Чего-то другого. Как насчет небольшого путешествия?

На некоторое время волк укрыл от меня свои мысли, а потом с раздражением спросил:

Мы оба пойдем пешком или ты сядешь на лошадь, а я буду бежать сзади?

Хороший вопрос. А если мы оба пойдем пешком?

Ну, если хочешь, ворчливо согласился он. Ты думаешь о том месте в горах, верно?

Древний город? Да.

Ночной Волк не стал со мной спорить.

А мальчика мы с собой возьмем?

Пожалуй, Неда лучше оставить здесь, чтобы он немного побыл один. Ему будет полезно. К тому же кому-то нужно присматривать за цыплятами.

Значит, мы не уйдем до возвращения мальчика?

Я кивнул.

Интересно, окончательно ли я лишился рассудка?

Интересно, вернемся ли мы когда-нибудь обратно?

II. Старлинг

Старлинг Бердсонг по прозвищу Певчий Скворец, менестрель королевы Кетриккен, вдохновила многих на создание песен – да и сама написала немало. Прославившаяся как спутница королевы Кетриккен во время путешествия за помощью Элдерлингов, когда бушевала война с красными кораблями, она в течение нескольких десятилетий служила трону Видящих, помогая восстанавливать Шесть Герцогств. Старлинг чувствовала себя непринужденно в любом обществе, оказывала королеве неоценимые услуги в беспокойные годы, последовавшие за освобождением Бакка. Королева доверяла своему менестрелю вести переговоры не только с аристократами, но и с разбойниками и контрабандистами. Старлинг сама сочиняла баллады о таких миссиях, но не вызывает сомнений, что она исполняла ряд тайных поручений Видящих, о которых никто не слагал песен.

Нед оставался со Старлинг в течение двух месяцев. Со временем его отсутствие раздражало меня все больше и больше. Впрочем, злился я главным образом на себя. Я не понимал, насколько привык к постоянной помощи мальчика, пока мне не пришлось выполнять его работу. Но дело было не только в дополнительных трудностях, которые у меня возникли за время длительного отсутствия Неда. Визит Чейда взбудоражил меня, что-то проснулось в моей душе. Я вдруг увидел, какую жалкую жизнь вел все эти годы. Спокойствие и мир в моем маленьком домишке теперь представлялись мне пустой жизнью самодовольного лентяя. Неужели прошел год с того дня, как я подложил камень под шатающуюся ступеньку крыльца, обещав себе починить ее позднее? Нет, с тех пор минуло почти полтора.

Я привел крыльцо в порядок, а затем выгнал цыплят из курятника, перекопал землю и застелил пол свежим тростником. Починил крышу в сарае и прорубил окно, которое собирался сделать еще два года назад. Подрезал сломанные ветки ясеня и устроил грандиозную весеннюю уборку в доме. Заново перестелил крышу в курятнике. Я как раз заканчивал, когда Ночной Волк сказал, что слышит стук копыт.

Спустившись вниз, я надел рубашку и вышел на дорогу, чтобы встретить Старлинг и Неда.

Уж не знаю почему, но теперь я увидел их совершенно иными глазами. И дело было не только в новом наряде мальчика, хотя одежда подчеркивала его длинные ноги и раздавшиеся плечи. Он выглядел забавно верхом на толстеньком пони – я не сомневался, что он и сам понимает это. Пони подходил юноше не больше, чем его детская постель в хижине и наш домашний уклад. Я неожиданно понял, что не имею права просить его остаться дома, чтобы приглядеть за цыплятами, а сам – отправиться путешествовать. Более того, если я в самое ближайшее время не отправлю мальчика навстречу новой судьбе, его легкое неудовольствие по случаю возвращения домой превратится в горькое разочарование. Нед долго был для меня отличным товарищем. Когда я приютил найденыша, он спас меня от одиночества и тоски. Будет лучше отослать его в мир, пока между нами сохранились теплые отношения и я не стал тяжким бременем для его юных плеч.

Впрочем, не только Нед изменился в моих глазах. Старлинг, как и всегда, была полна жизни и улыбнулась, легко соскочив с лошади. Но когда она подошла ко мне, чтобы обнять, я вдруг понял, как мало знаю о ее нынешней жизни. Я заглянул в ее веселые темные глаза и впервые заметил морщинки в уголках. Ее одежда с каждым годом становилась все богаче, лошади – все породистей и дороже, о драгоценностях и говорить нечего. Сегодня ее густые темные волосы украшала тяжелая серебряная заколка. Не приходилось сомневаться, что менестрель процветает. Три или четыре раза в год Старлинг навещала меня и проводила с нами несколько дней, наполняя нашу жизнь историями и песнями. Она всегда сама добавляла специи в нашу еду – по своему вкусу, – ее вещи валялись по всему дому, а моя постель переставала быть местом отдыха. А после ее отъезда наш дом напоминал мне дорогу, на которую осела пыль, после того как прошел караван кукольника. Наша жизнь еще долго не могла вернуться в привычную колею.

Я крепко обнял Старлинг, вдыхая пыль и аромат волос. Она отступила на шаг, заглянула мне в лицо и тут же спросила:

– Что случилось? В тебе что-то изменилось.

Я грустно улыбнулся.

– Позже расскажу, – пообещал я, мы оба знали, что нам предстоит долгий ночной разговор.

– Иди помойся, – согласилась она, – от тебя пахнет, как от моей лошади.

Старлинг отстранилась от меня, и я подошел к Неде.

– Ну, парень, как ты? Оправдал праздник в Баккипе твои ожидания?

– Было здорово, – спокойно ответил мальчик.

Он посмотрел на меня, и в его разноцветных глазах, карем и голубом, я прочитал страдание.

– Нед? – с тревогой спросил я, но он сразу же стряхнул мою руку с плеча.

Он отошел от меня, но тут же пожалел о своей холодности и хрипло произнес:

– Пойду к ручью помыться. Я весь в дорожной пыли.

Пойди с ним. Я не знаю, что случилось, но ему нужен друг.

Такой друг, который не задает вопросов, согласился Ночной Волк.

Опустив голову и подняв хвост, зверь последовал за мальчиком. Он любил Неда не меньше, чем я, мы растили найденыша вместе.

Когда они скрылись из виду, я повернулся к Старлинг:

– Ты знаешь, что с ним стряслось?

Она пожала плечами, и на ее губах появилась улыбка.

– Ему пятнадцать. В этом возрасте настроение легко меняется. Не тревожься из-за него. Причина может быть какой угодно: девушка на празднике отказалась его поцеловать или наоборот – поцеловала. Уход из Баккипа или возвращение домой. Плохая колбаса за завтраком. Оставь его в покое. Ничего ему не станется.

Я еще раз посмотрел вслед мальчику и волку.

– Возможно. У меня другие воспоминания о времени, когда мне было пятнадцать, – заметил я.

Старлинг направилась в дом, а я занялся ее лошастью и нашим пони. Баррич, размышляя, заставил бы меня расседлать свою лошадь, не обращая внимания на мое настроение. Ну, я не Баррич. Интересно, как он воспитывает Неттл, Чивэла и Нима, подумал я и пожалел, что не спросил у Чейда имена остальных детей. К тому времени, когда лошади были приведены в порядок, я пожалел о визите старого наставника. Слишком много воспоминаний он разбередил. Я

решительно выбросил их из головы. Кости пятнадцатилетней давности, как сказал бы мне волк. Я коснулся разума зверя. Нед плеснул себе в лицо водой и с таким шумом углубился в лес, что распугал всю дичь. Я вздохнул и вернулся в хижину.

Старлинг успела разложить содержимое седельных сумок на столе. Сапоги она бросила у порога; плащ валялся на стуле. Закипел чайник. Она стояла на стуле возле шкафа. Когда я вошел, Старлинг протянула мне маленький глиняный кувшин.

– Этот чай еще не выдохся? – спросила она. – Пахнет он как-то странно.

– Меня вполне устраивает, – проворчал я. – Слезай. – Я взял ее за талию и легко снял со стула, хотя старый шрам тут же напомнил о себе. – Посиди, я заварю чай. Расскажи о празднике.

И она стала рассказывать, а я пока выставлял на стол чашки, нарезал последний каравай хлеба и ставил на огонь рагу из зайца. Ее истории об Оленьем замке были такими родными и знакомыми: она поведала мне об удачных или провальных выступлениях менестрелей, посплетничала о лордах и леди, которых мне никогда не доводилось встречать, описала угощение на приемах. Старлинг всегда отличалась остроумием, и я много смеялся, хотя иногда ощущал уколы ревности, которую пробудил во мне Чейд. Вероятно, мое отношение изменилось, поскольку он говорил о людях, которых я хорошо знал и любил. Я тосковал не по замку, а по своему детству и друзьям. Впрочем, тут мне ничего не грозило: вернуться я не мог. Лишь немногие знали, что я жив, и я сам не хотел менять такое положение вещей.

– Иногда от твоих историй у меня сжимается сердце и мне хочется вернуться в Олений замок. Но этот мир закрыт для меня.

Старлинг нахмурилась:

– Не возьму в толк почему.

Я рассмеялся:

– Неужели ты не понимаешь, что многие будут удивлены, когда увидят меня живым?

Она склонила голову набок и посмотрела мне в глаза:

– Сомневаюсь, что даже твои друзья сумеют тебя узнать. Большинство помнит тебя юношей. Сломанный нос, шрам, седина сильно изменили тебя. К тому же раньше ты одевался как сын принца; теперь ты носишь крестьянскую одежду. Раньше ты двигался с

грацией воина, а теперь, особенно утром или в холодные дни, ты похож на старика. – Она сокрушенно покачала головой и добавила: – Ты не следишь за своей внешностью, да и годы обошлись с тобой жестоко. Ты вполне можешь добавить пять или даже десять лет к своему возрасту, и никто не усомнится в твоих словах.

Столь жесткая оценка, прозвучавшая из уст любовницы, задела меня.

– Ну спасибо на добром слове, – сухо ответил я.

Чтобы не смотреть ей в глаза, я встал снять чайник с огня.

Старлинг неправильно истолковала мои слова.

– Да. А если добавить, что люди видят то, что ожидают, и никто не предполагает, что ты жив... Думаю, ты вполне можешь рискнуть. Ты намерен вернуться в Олений замок?

– Нет. – Мой ответ прозвучал слишком категорично, но я не нашел что добавить.

Однако у Старлинг не возникло вопросов.

– Жаль. Ты многого лишаешься, когда живешь здесь, в одиночестве...

И она принялась рассказывать про бал Встречи Весны. Несмотря на мрачное настроение, я невольно улыбнулся, когда она красочно описывала, как Чейд танцевал со своей шестнадцатилетней поклонницей. Старлинг не ошиблась, я бы с удовольствием побывал на празднике.

Пока я готовил для всех обед, мои мысли вновь вернулись к мучительным вопросам из ряда «что, если...». Что, если бы я мог возвратиться в Олений замок к королеве и Старлинг? Что, если бы я вернулся к Молли и нашему ребенку? Но всякий раз, какие бы доводы я ни придумывал, мои построения заканчивались катастрофой. Если бы я явился в замок, когда все думают, что меня казнили за использование Дара, мое появление разделило бы людей на два лагеря – в то время как Кетриккен так много делает, чтобы объединить страну. Не говоря уже о том, что многие встали бы на мою сторону и попытались бы сместить нынешнюю правительницу – ведь, хоть я и был незаконнорожденным, в моих жилах текла кровь Видящих, а Кетриккен стала королевой только благодаря браку с Верити. Другие потребовали бы моей казни – причем таких было бы больше.

А если бы я вернулся к Молли и дочери, чтобы забрать их с собой? Наверное, я мог так поступить, если бы думал только о себе. Они с Барричем считают, что я умер. Женщина, которая практически была моей женой, и человек, вырастивший меня и ставший мне близким другом, решили жить вместе. Баррич позаботился о том, чтобы Молли получила крышу над головой, чтобы не мерзла и не голодала, вынашивая моего ребенка. Своими собственными руками он принял Неттл. Они вместе прятали ее от людей Регала. Баррич заявил, что Молли его жена, а Неттл – дочь. Он не только защищал и заботился о них, но и любил. Да, я мог вернуться – и сделать обоих предателями в их собственных глазах. Тень позора легла бы на их брак. Баррич оставил бы Молли и Неттл мне. Благородство не позволило бы ему поступить иначе. А я до конца дней пытался бы понять, сравнивает ли Молли, чья любовь сильнее и благороднее...

– У тебя горит рагу, – недовольно заметила Старлинг.

Она была права. Я вздохнул, выложил на тарелки то мясо, что еще не успело сгореть, и уселся рядом со Старлинг. Потом я постарался выбросить из головы все варианты прошлого – истинного и воображаемого. Сейчас не время отвлекаться. Рядом со мной Старлинг. Как обычно, я слушал ее рассказы. Она принялась излагать длинную историю о выскочке-менестреле, который не только осмелился исполнить одну из баллад Старлинг, изменив несколько строк, но и присвоить себе авторство. Она энергично жестикулировала и едва не увлекла меня своим рассказом. Но мне на ум постоянно приходили воспоминания о других весенних празднествах. Неужели я потерял способность получать удовольствие от простой жизни, которую сам для себя создал? Многие годы мне было хорошо с мальчиком и волком. Что же случилось сейчас?

Тут меня посетила другая тревожная мысль. Где же Нед? Я приготовил обед на троих. Нед всегда набрасывался на еду, когда мы возвращались домой из путешествий. Жаль, что он не может справиться с плохим настроением и присоединиться к нам. От Старлинг не укрылось, что я то и дело поглядывал на его нетронутую тарелку.

– Не беспокойся о нем, – недовольно проговорила она. – Он еще мальчишка и не научился собой владеть. Как только проголодается по-настоящему, сразу придет.